

— Стоп! — Су Су тут же выпрямилась, подняла руки и сделала перед собой большой крест. — Говори что угодно, даже прямо называй меня дурочкой, только не читай нотации!

Оуян слегка улыбнулся:

— Если ты даже этого не понимаешь, неудивительно, что твоя культивация не продвигается.

— Потому что это совсем не научно! — Су Су надула губы, изображая невинность. — Как человек с научным мировоззрением и атеист, даже став призрак, я не могу принять такую ненаучную реальность!

— ...Как скажешь, — Оуян опустил уголки губ, сдаваясь в попытках вразумить Су Су.

— Не говори обо мне, поговори о себе, — Су Су быстро сменила тему. — Как ты живёшь во дворце, всё в порядке?

— Где бы я ни был, я не позволю себе жить плохо, — интуиция подсказывала Оуяну, что вопрос Су Су был не буквальным. Но он никогда не понимал женских мыслей и не любил гадать, поэтому просто ответил, ожидая, что Су Су сама раскроет суть.

И действительно, Су Су сразу же спросила:

— Ци Юньхэн хорошо к тебе относится?

— С точки зрения императора, лучше некуда, — объективно оценил Оуян.

— Но он не только император, он твой муж! — Су Су надула губы. — Он завёл кучу наложниц, родил кучу детей, а потом ещё и держится за тебя. Не кажется ли тебе, что такое поведение бесстыдное, бессовестное и даже... отвратительное?

— Ты говоришь так, будто ты не моя наложница, — не задумываясь, парировал Оуян.

— Я не такая, как они! — Су Су разозлилась и вскочила со стула.

— Цзин-эр тоже так думает.

— Эй...

— Серьёзно, — Оуян пожал плечами. — По сути, между вами нет разницы. Я взял тебя в наложницы, потому что ты умеешь зарабатывать и делать дела. Ци Юньхэн завёл гарем, потому что те женщины могут рожать и воспитывать детей.

— У меня это работа...

— У них тоже, — перебил Оуян. — Рожать и воспитывать детей — это их работы, и единственная работа, которую они могут получить в жизни.

— Как рождение и воспитание детей может быть работой?! — Су Су не могла понять такую логику. — Ты таким образом оскорбляешь свою мать!

— Женщины в этом мире выживают, рожая детей, воспитывая их и спя с мужчинами, — равнодушно ответил Оуян. — Я не оскорбляю женщин и не унижаю их, я просто констатирую факт. Спроси себя, как женщина в этом мире может выжить — независимо — если она не будет делать эти три вещи?

Су Су не смогла возразить.

Она могла бы придумать работу, например, ткачество, вышивку или мелкую торговлю закусками.

Но в этом мире информация закрыта, ремеслам не научишься, просто открыв компьютер, и даже если что-то можно сделать, это не значит, что получится хорошо. Кроме того, для выполнения этих работ нужно ещё и безопасно выйти из дома и вернуться обратно.

Количество плохих людей никогда не связано напрямую с развитием технологий или уровнем материального благосостояния, и в этом мире их, пожалуй, не меньше, чем в её родной стране. Но одно можно сказать точно: отношение к женщинам здесь гораздо более суровое, чем в её родной стране. В её стране, если женщина сталкивалась с плохими людьми, то считалось удачей, если она оставалась жива; здесь же смерть на месте, возможно, была бы лучшим исходом, а если она выживала, то даже если родственники не доводили её до самоубийства, она всё равно попадала в ад из-за сплетен и дискриминации.

С этой точки зрения, рождение детей, их воспитание и сон с мужчинами, даже если это не работа, являются для женщин в этом мире средством выживания. Отказ от этих трёх вещей означает отказ от мужчины и его защиты, что значительно увеличивает вероятность столкновения с плохими людьми.

Су Су стала наложницей Оуяна именно ради этой защиты.

— Это не твоя родная страна, — видя, что Су Су молчит, Оуян прямо сказал то, что она думала. — Здесь женщина, не зависящая от мужчины, не может даже гарантировать свою безопасность, не говоря уже о том, чтобы найти работу и прокормить себя.

— Я знаю, производительные силы определяют производственные отношения, — Су Су грустно опустила на стул.

— Именно так, — кивнул Оуян. — Я всегда считал, что женщины в твоей стране смогли выйти из дома и получить почти равные с мужчинами права благодаря двум людям. Первый — изобретатель ткацкого станка. Хотя это устройство принесло человечеству немало зла и страданий, без его появления женщины не получили бы работу, которая сделала их незаменимыми. Второй человек, которого нужно поблагодарить, — изобретатель мушкета. Именно благодаря огнестрельному оружию, которое игнорирует физическую силу, женщины получили возможность убивать любого мужчину и бороться за власть и равенство.

— Ты шутишь? — Су Су подняла глаза, удивлённо глядя на Оуян.

— Ни в коем случае, — без эмоций ответил Оуян. — Как ты говоришь, производительные силы определяют производственные отношения. В моём мире ценности мужского превосходства развились потому, что женщины не были необходимы в этой системе, а их физическая сила была меньше, чем у мужчин, что позволяло мужчинам легко контролировать и убивать их. В конечном счёте, слабость — это грех.

Су Су смотрела на Оуяна, не зная, что сказать, и через некоторое время произнесла что-то совершенно не связанное:

— Ты часто об этом думаешь?

— Иногда, когда мне скучно, — опустил глаза Оуян. — Наверное, это потому, что я тоже люблю

задавать вопросы «почему» и «зачем».

— Я начинаю тебя уважать, — серьёзно сказала Су Су.

— Сказать спасибо или принять комплимент? — Оуян усмехнулся. — Если ты хочешь внести вклад в так называемые права женщин, постарайся, чтобы такие технологии, как ткацкий станок и мушкет, появились в этом мире и изменили положение женщин, сделав их независимыми от мужчин и не боящимися их. Но пока это не произойдёт, пожалуйста, не переноси свои принципы в наш мир — они не подходят.

— Я понимаю, буду напоминать себе об этом, — вздохнула Су Су. — Но я всё равно думаю, что Ци Юньхэн тебя недостоин. Ты заслуживаешь лучше, человека, который будет любить только тебя.

— Девушка, — Оуян тоже вздохнул. — Есть хорошая поговорка: можно желать чего угодно, только не его любви — чувства не могут накормить.

— Да, я знаю, поэтому я и остаюсь одна, не ищу мужчин, — вздохнула Су Су.

Оуян тут же нахмурился и серьёзно поправил её:

— Дорогая, думаю, мне стоит напомнить, что с точки зрения закона, я твой муж.

— Отвали, даже меня не дразни! — Су Су закатила глаза. — Я решительная женщина, если разозлюсь, сразу подам на развод!

— Прости, но ты моя наложница, и если я не напишу письмо об освобождении, ты даже не сможешь подать жалобу в суд.

— Ещё слово — укушу!

Разозлившись, Су Су наконец применила свой последний козырь.

Подразнив свою наложницу, Оуян, в прекрасном настроении, собрался возвращаться во дворец, но только вышел из комнаты, как заметил Оу Цзин, прячущуюся под навесом и колеблющуюся, подойти ли ей.

— Иди сюда! — Оуян был недоволен, громко позвал Оу Цзин к себе, хмуро посмотрел на неё, затем снова приподнял занавеску. — Заходи, поговорим.

Сказав это, он первым вошёл в комнату.

Оу Цзин опустила голову и, понурившись, последовала за ним.

Вернувшись в комнату и снова заняв своё место, Оуян не стал ждать, пока Оу Цзин соберётся с мыслями, и сразу спросил:

— Говори, что натворила?

— Су Су нажаловалась вам?! — тут же выпрямилась Оу Цзин.